

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Н.С. РОЗОВ

«ПРОВИНЦИАЛИЗМ», «ТУЗЕМСТВО» И ФАКТОРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ «СТОЛИЧНОСТИ» В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ¹

DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3917

Аннотация. «Провинциальная», «туземная» и «столичная» науки (в терминах М. Соколова и К. Титаева) сопоставляются в аспектах их «слышимости» для мирового научного сообщества и интеллектуальной мобильности. Привлекательность места жизни и работы ученого раскрывается как три типа комфорта: комфорт жизнеобеспечения, социальный комфорт и духовный комфорт. Признание трудов и интеллектуальная репутация являются основой социального комфорта ученого и зависят от присутствия в его работах значимости и новизны. Духовный комфорт определяется чувством подлинности познания, ощущением участия в «настоящей науке». Сама же эта «настоящность» может быть подтверждена только долговременным признанием, что возвращает к теме «столичности» как центрального положения в интеллектуальных сетях. На примере Чикагской школы социологии выделены 13 факторов успешного продвижения науки к «столичному» статусу. Показаны возможности их учета и использования в современной ситуации российского социального познания для преодоления затянувшегося раскола на «провинциальную» и «туземную» науки.

Николай Сергеевич Розов — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск); профессор, Философский факультет Новосибирского государственного университета; профессор, Кафедра международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. **Адрес:** 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2, Новосибирский госуниверситет. **Телефон:** +7 (913) 940-90-26.
Электронная почта: nrozov@gmail.com

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-03-00437 «Реформируемая наука. Институциональные и социальные последствия реформы академической науки в России».

Ключевые слова: «провинциальная наука», «туземная наука», «столичная наука», социальное познание, интеллектуальная мобильность, Чикагская школа социологии.

**«Провинциальная», «туземная» и «столичная» науки:
аспект интеллектуальной мобильности**

Российское социальное познание, с одной стороны, издавна испытывает мощное влияние европейской традиции (в рамках которой оно, собственно, и появилось) и с недавних пор — влияние американских исследований и идейных достижений. Таким образом, прогресс западной науки и философии представляет собой перманентный вызов для отечественных обществоведов, в том числе социологов. Два противоположных ответа на этот вызов — ученический и изоляционистский — формируют типы социальной науки, которые М. Соколов и К. Титаев обозначили намеренно провокационно как «провинциальная наука» и «туземная наука» [12].

В метафоре научной коммуникации как разговора *провинциальная наука* слышит только *столицы* (признанные мировые центры исследований), которые редко и нехотя отвечают ей взаимностью. При этом *туземная наука* говорит сама с собой, в лучшем случае обсуждая стародавние учения, слышит только себя, больше никто ее не видит и не слышит².

Рассмотрим аспект интеллектуальной мобильности.

Провинциальная наука стремится приобщиться к *столицам*, осуществляя «паломничество» (стажировки, конференции, попытки закрепиться); те, кто возвращаются, стремятся опять попасть в признанные и престижные центры. Основные процессы в *провинциальной науке* — это восприятие новых и новых идей и терминов из *столиц*, попытки их приложения к местному материалу.

Туземная наука находится вне процессов международной интеллектуальной мобильности, она включает множество местечковых групп со своими авторитетами. В лучшем случае поддерживаются связи с *национальными научными столицами* (в России — с Москвой и Санкт-Петербургом).

Что же представляет собой *мировая столичная наука* и действительно ли она представляет собой лишь «разновидность туземной»³? Важнейшими признаками столичности являются полицентричность

² «Если круг тех, от кого зависишь, уже определен, остается существенно меньше стимулов расточать подлежащие обмену ресурсы на тех, кто в этот круг не входит» [12, с. 222].

³ Это утверждают М. Соколов и К. Титаев: «...как мы представляем себе столичную науку. Наш собственный ответ, когда мы писали эту статью, заключался в том, что мы видим в ней просто разновидность туземной, отличной от всех прочих лишь тем, что она окружена шлейфом провинциалов, согласных считать ее столичной» [12, с. 226].

и плотная сеть взаимодействий между центрами, особенно внутри Северной Америки, внутри Западной Европы и между ними. Также центры рассылают своих «миссионеров» (визит-профессоров) в мировые интеллектуальные провинции, в роли которых выступают главные научные центры Китая, Индии, Японии, Турции, Бразилии; в числе провинциальных находятся и два российских центра — те же Москва и Санкт-Петербург (редко «миссионеры» проникают дальше). Именно из национальных центров мировой интеллектуальной провинции идет основной поток «паломников» в центры мировой столичной науки — ведущие университеты и исследовательские лаборатории США, Великобритании, Франции и Германии.

В противовес столь популярной среди российского чиновничества идее «попасть в топ-100» необходимо поставить более содержательную стратегическую цель: сделать российскую науку столичной, создать условия для того, чтобы в России появились интеллектуальные центры с высокой мировой репутацией, привлекательные и для «паломников», и для представителей признанных столиц.

Если в некоторых областях математики и естествознания эта столичность поддерживается с советской эпохи (о чем свидетельствует сохранение интереса западной науки к соответствующим журналам, ученым, достижениям), то в социальном познании ситуация скорее удручающая. Именно в этой сфере наиболее радикально разделение на провинциальность и туземство, которые препятствуют продвижению в мировой интеллектуальной иерархии.

Привлекательность места и типы

Возьмем два простых признака столичной науки: 1) в ее центры стремятся попасть ученые из других столичных центров и из национальных провинций; 2) сообщения из столицы (новые идеи, результаты исследований) слышат и обсуждают ученые опять же из других центров и провинций.

В общей модели территориальной динамики люди мигрируют в соответствии со сравнительной привлекательностью разных мест. Переменная привлекательности включает три типа комфорта: комфорт жизнеобеспечения, социальный комфорт и духовный комфорт.

Для ученых *комфорт жизнеобеспечения* редко имеет первостепенную важность. Как правило, потребности соответствуют «среднему классу», что понимается как «достойный» уровень жизни (наряду с оплатой труда сюда входят социальные пакеты, уровень медицины, образования для детей, экология городской среды и т. п.). Важнейшими же для ученых являются социальный и духовный комфорт, причем каждый со своей спецификой.

Требуемый ученым *социальный комфорт* включает открытость коммуникаций, значимые взаимодействия с коллегами; возможность

получения признания, репутации; доступ к литературе, исследовательским средствам; финансирование самой научной работы.

Если политики — искатели легитимности, то ученые и философы — искатели интеллектуальной репутации, в идеале — посмертной [5].

Туземная наука и провинциальная наука — это выражение разных научных стратегий именно в борьбе за признание.

«Провинциалы» получают признание друг от друга, соревнуются между собой — в осведомленности о новейших идеях в столицах (западных интеллектуальных центрах), а также в причастности к ним, получении зарубежных грантов, участии в международных проектах и т. д.

«Туземцы» получают признание друг от друга, соревнуются между собой — в продолжении локальных традиций, комментировании идей местных авторитетов, а также в связях с местной администрацией, участии в разработке всевозможных концепций и программ развития своих городов и областей.

Ни тот ни другой путь не ведет к росту столичности, поскольку не происходит рост признания трудов «провинциалов» и «туземцев» в других местах, а особенно в самих столицах. «Провинциалы» там не особенно интересны из-за перманентной вторичности своих идей, а «туземцев» не слышат вообще и даже не подозревают об их существовании.

Что обеспечивает признание в науке?

В метафоре беседы этот вопрос звучит так: почему, собственно, вас вообще должны услышать? Есть два главных качества интеллектуального высказывания для его «слышимости»: новизна и значимость [5].

Значимость высказывания определяется тем, насколько его содержание близко к центру интеллектуального внимания, насколько оно включает вопросы, проблемы, темы, которые обсуждаются, над которыми работают, о которых спорят, прежде всего, в *столичной науке*.

Новизну высказывания образуют идеи, подходы, задачи и решения, касающиеся значимых тем, но не повторяющие прошлых высказываний, а стимулирующие дальнейшие исследования и споры.

Новое относительно незначимого не будет понято и принято во внимание. Значимое без новизны является скучным повтором известного и также не будет услышано. Только комплект «значимое + новое» имеет шансы на привлечение интеллектуального внимания. Только такое высказывание услышат: прочтут статью, переведут книгу, будут их критиковать или хвалить, на них ссылаться, развивать или модифицировать заложенные в них идеи и подходы.

Хронический порок провинциальной науки заключается в отсутствии новизны, поскольку в ней ученически воспроизводятся понятия, концепции, терминология столиц. В лучшем случае на работы «провинциалов» ссылаются представители столиц как на случаи подтверждения их идей на «экзотическом» (например российском) материале.

В туземной науке вполне может появиться своя новизна, но эти ученые остаются в стороне от переднего фронта проблем, не знают и не хотят знать, что теперь актуально и значимо в центрах столичной науки, поэтому любая их новизна не значима ни для кого, кроме них самих. Достижения «туземцев» ни в стране, ни в мире не видят и не слышат, поэтому они вынуждены довольствоваться сугубо местным признанием.

Значимость и новизна являются не только факторами социального признания, но они также дают ученым чувство прикосновения к истине, чувство того, что они занимаются настоящим познанием, а это уже ценности духовного комфорта.

Факторы духовного комфорта ученого

Духовный комфорт как раз и предполагает причастность к высшим святыням, ценностям. Для ученых это означает уверенность в том, что они участвуют в деле познания, постижения истины [11], причем значимость этого занятия и результатов выходит за рамки их жизни.

Что же делает науку «настоящей»? Апелляция к «истине» и «объективной реальности» стала бы соскальзыванием с метанаучного уровня обсуждения, поэтому она не поможет решению поставленного вопроса. Если же принять во внимание социальные и исторические проявления «настоящего познания», то они обнаруживаются достаточно просто: по прошествии поколений результаты таких исследований (и их авторы) остаются в интеллектуальном дискурсе, переиздаются, обсуждаются, попадают в справочники и учебники [5]. Нужно ли доказывать, что такой исторической чести удостоиваются преимущественно работы и авторы из столичных центров, тогда как немногие исключения (Спиноза и Кьеркегор в философии, Лобачевский в математике, Бахтин в литературоведении, Кондратьев в экономической истории и др.) только подтверждают правило: они либо сами получали образование в столицах, сохраняли контакты с ними, либо по тем или иным причинам оказывались в центре внимания тех же столичных центров, поскольку выдавали новые перспективные идеи относительно значимых, особо «горячих» тем.

Радость узнавания и разоблачение неадекватности

Что же происходит вместо этого в провинциальной и туземной науках? Есть сходные ключевые элементы в работах исследователей обоих типов.

Такова «*радость узнавания*», когда «провинциалам» в местном материале удается обнаружить реалии, подходящие новым, модным и активно обсуждаемым понятиям в западной — столичной — науке. «Туземцы» также переживают «радость узнавания», когда на новом материале находят подтверждения идеям своих местных кумиров. Однако эти идеи почти всегда оказываются отзвуками давнишних интеллектуальных влияний из столиц, что и делает туземную науку перманентно и безнадежно устаревшей.

Второй типичный феномен — *разоблачение неадекватности*, то есть привычные сетования и «провинциалов» и «туземцев» на то, что западные понятия, в том числе классические и широко используемые, не имеют прямых или вообще каких-либо денотатов в российской действительности.

«Провинциалы» упорно ищут и находят иные, более адекватные понятия в той же столичной науке, например, разоблачая отсутствие в России настоящих «граждан», «гражданского общества», «права», «парламентаризма», делая упор на «аномии», «тоталитаризме», «словном обществе» и т. д. [2].

«Туземцы» обычно фиксируют «неадекватность» западных концепций, указывают на некую расплывчатую, но прекрасную «особость» российских реалий (в почтенной традиции «умом Россию не понять...»).

Ясно, что ни тот ни другой подход не дает шансов на признание в будущих поколениях. Чтобы преодолеть эту слабость, необходимо разобраться с факторами такого признания.

Условия продвижения к интеллектуальной «столичности»

Итак, несколько метафизическое понятие «настоящей науки» выводит нас на социальное признание, но уже в долговременном плане диахронии: на признание в последующих поколениях исследователей. Данная тема детально разработана Р. Коллинзом [5, гл. 2, 15], поэтому можно перечислить основные социальные условия достижения такого успеха:

- прямое общение с лидерами в данной области, попадание в центры интеллектуальных сетей;
- участие в интеллектуальных конфликтах, спорах, привлекающих внимание коллег и околонуучной публики;
- высокий уровень конкуренции и обмена идеями;
- ритуалы признания, насыщенное интеллектуальное общение, что дает высокие уровни эмоциональной энергии, связанные с чувством своей правоты — моральной силы, по Дюркгейму.

К этим условиям следует добавить факторы, относящиеся уже к содержательной части познания.

- получение новых результатов в переднем, сдвигающемся фронте проблем (здесь есть лучшие возможности у «провинциалов»);
- наличие особого культурного капитала, преимущественного доступа к тем идеям, которые не известны другим участникам конкуренции (в данном пункте лучшие шансы имеют «туземцы»).

Как отмечалось выше, М. Соколов и К. Титаев считают *столичную науку* лишь разновидностью *туземной*, отличающейся наличием почитающих ее «провинциалов». Однако среди множества удручающих

примеров туземной науки только особые единицы стали мировыми интеллектуальными столицами.

Опыт Чикагской школы — факторы блестящего успеха

Рассмотрим пример Чикагской социологической школы первой половины XX в., тем более что на него ссылались сами М. Соколов и К. Титаев. Туземство чикагцев было подтверждено тем, что созданный журнал и первые хрестоматии только в самом начале содержали переводы европейской классики (причем почти исключительно трудов Г. Зиммеля), а позже заполнялись публикациями сугубо местного производства.

Рассмотрим главные характеристики и достижения Чикагской школы и сформулируем структурные обобщения в надежде получить подсказку: чему обязан ее успешный прорыв к *столичности*.

1. *«Столичный» импульс для местных исследований. Основатели школы учатся в столичных интеллектуальных центрах, в течение нескольких лет переводят и комментируют труды «столичных» классиков, но в скором времени начинают собственные масштабные исследования, результаты которых, а не привнесенные извне идеи, оказываются в центре внимания.*

Основатель чикагской социологии Альбион Смолл способствовал переводу важнейших статей Георга Зиммеля. Уильям Томас и Роберт Парк учились социологии в Германии. Влияние европейской мысли этим отнюдь не ограничивалось⁴. Однако в скором времени Чикагская школа становится вполне самодостаточной⁵.

⁴ А. Нехаев со ссылкой на книгу Козера пишет: «В числе тех, кто оказал это влияние, оставив на социологии Чикагской школы “европейский” след, можно обнаружить самые разнообразные имена. И это не только имена социологов (Огюст Конт, Габриэль Тард, Герберт Спенсер, Фердинанд Тённис и все тот же Георг Зиммель), здесь мы встречаем имена и философов (Вильгельм Виндельбанд и Фридрих Паульсен), и психологов (Вильгельм Вундт и Альфред Адлер), и языковедов (Мориц Лазарус и Хейман Штейнталь)» [6, с. 104].

⁵ «Ни один из прочих европейских классиков (Дюркгейм, Вебер, Зомбарт) не удостоился, однако, чести быть переведенным, хотя на книги Дюркгейма Смолл писал рецензии. Но уже в 1920-х гг. чикагские аспиранты больше не осуществляют паломничество в Европу, а на место европейской звезды, близость к которой чикагцы прежде демонстрировали как символ своей причастности к мировой науке, лидеры школы начинают смело ставить самих себя. Во “Введении в науку социологии” (1921) Парка и Берджесса, хрестоматии, состоящей из 268 небольших фрагментов, перу самого Парка принадлежат 13, Зиммеля — 10, Смолла, Самнера и Дарвина — по 4, Томаса, Дьюи и Бехтерева — по 3. Остальные появляются не чаще двух раз, в частности, Дюркгейм, Хобхауз, Спенсер, Ле Бон и Робертсон Смит — дважды, Тённис и Зомбарт — единожды» [13, с. 217].

2. *Богатая предметная область и широкий фронт эмпирических исследований, включающих экзотические, ранее не исследованные, но будоражающие общественное внимание темы.*

Чикагские социологи изучали свой город, в котором поселились множество иммигрантов из разных стран, исследовали жизнь многочисленных этнических групп: поляков, японцев, чехов, итальянцев, шведов, немцев, евреев, китайцев, эстонцев; положение негров и отношение к ним, межнациональные браки и разводы; а также семьи, богословские собрания, предрассудки, темы молодежи и пола, женской мобильности, контроля над рождаемостью, становления личности, социальной самоизоляции, пространственной сегрегации. Изучались также различные девиации, социальные патологии, асоциальное поведение: преступность, проституция, бродяжничество, попрошайничество, алкоголизм и проч.

3. *Широкое применение формализованного систематического сбора данных. Совместное использование качественных («мягких», этнографических) и количественных («жестких») методов, установка на их взаимодополнительность.*

Именно этот синтез является до сих пор «визитной карточкой» методологии Чикагской социологической школы.

4. *Смелые теоретические обобщения, предложение новых широких категорий, концептов, которые не сводятся к местной специфике, но претендуют на универсальность.*

Краткий перечень лишь наиболее известных понятийных, теоретических новшеств чикагской социологии включает: «установки» («аттитюды» Томаса и Знанецки), «обговариваемый порядок» (Стросс), «социальные миры», «персона», «человеческая экология», «территориальность», «институт» (Парк, Вирт, Хьюз, Макензи, Куинн), «взаимодействие через символы и жесты», «определение ситуации», «I» и «Me», «коллективное поведение» (Мид, Блумер), «интерактивный ритуал», «фрейм» (Гофман) и др. Выдвигались гипотезы в рамках единой программы с практической направленностью (например, той же «человеческой экологии» или изучения «социальных миров») [7].

5. *Идейность социологии, ее связь с актуальными философскими и социально-реформаторскими течениями, принципами, ценностями, идеалами.*

Чикагские социологи открыто поддерживали либеральную и прагматистскую философию Джона Дьюи, были преисполнены идеями и надеждами социального реформаторства, преобразования большого города (Чикаго) и всего американского общества. Смолл, Винсент, Томас, Хендерсон утверждали либерализм как идейную основу и главную социально-философскую доктрину своей социологической школы.

6. *Учреждение первых в стране или в мире важнейших институтов для поддержки и развития дисциплины: факультета, журнала, профессионального сообщества. Построение неформальной сети исследователей.*

Чикагские ученые создали первый в США социологический факультет (1892), первый в мире социологический журнал (*American Journal of Sociology*, 1895), первое в стране «Американское социологическое общество», 1905 (впоследствии «Американская социологическая ассоциация», АСА). До 1971 г. большинство президентов АСА были сотрудниками или выпускниками Чикагского университета. В самом Чикаго возникают специальные исследовательские бюро, центры, институты, по образцу которых затем формируются социологические центры в других городах США.

7. Соединение исследовательских программ с учебным процессом.

В исследованиях города студенты-социологи Чикагского университета участвовали в качестве дешевой или вовсе бесплатной рабочей силы. Многие практические курсы были основаны на опыте прошлых и ведущихся исследований.

8. Составление и успешное распространение первых в стране учебных пособий по дисциплине.

Смолл и Винсент написали и издали первый в США учебник по социологии (1894). Парк и Берджес составили книгу-хрестоматию «Введение в науку социологии» (1921), которая многие десятилетия была основным учебником студентов-социологов в университетах всей Америки, до сих пор переиздается.

9. Поддержание научных связей с выпускниками, совместные, сравнительные исследования с их участием, формирование сети неформальных связей, обсуждение общих проблем; выпускники становятся «миссионерами», распространяющими идеи и подходы своей школы.

Вокруг журнала и интеллектуальных лидеров Чикагской школы образовалась сеть выпускников, функционирующая как в течение десятилетий ведущийся неформальный теоретический семинар. Институционализацию этой сети осуществил Парк, создав «Общество социальных исследований» (1920).

10. Тесные контакты с крупными философами и представителями смежных наук.

Создатель философии прагматизма Джон Дьюи как раз в начале XX в. работал на философском факультете Чикагского университета. На смежных кафедрах работали такие известные ученые, как Джордж Герберт Мид (социальная психология) и Торстейн Веблен (экономика). Все они тесно взаимодействовали с чикагскими социологами.

11. Популяризация дисциплины в стране, участие в создании новых кафедр и факультетов в других городах.

Чикагские социологи много сделали для привлечения внимания американского общества к социологии, к восприятию материалов эмпирических исследований; пропагандировали возможности и перспективы социологической науки. Во многом благодаря их деятельности уже в первые десять-двадцать лет XX в. курс социологии преподавался более чем в 150 университетах и колледжах США.

12. *Острая конкуренция, споры и последующий обмен идеями с вновь возникающими исследовательскими центрами.*

При появлении новых факультетов и центров социологических исследований в университетах Гарварда (Бостон), Колумбии (Нью-Йорк), Джона Хопкинса (Балтимор), Беркли (Калифорния) ученые Чикагской школы, с одной стороны, развивали, уточняли, пропагандировали собственные подходы, противопоставляя их главным альтернативам (например, парсонсианскому вполне схоластическому теоретизированию), с другой стороны, — заимствовали идеи; включались в интенсивный интеллектуальный обмен, споры на конференциях АСА и на страницах профессиональных журналов; формировали на новых факультетах свое представительство.

13. *Получение значительной финансовой и административной поддержки от города, провинции и центрального правительства; представительство в общенациональных структурах власти. Совместные проекты и участие в реформах.*

Чикагский университет был основан семейством Рокфеллеров, их фонд, правительство штата и мэрия Чикаго поддерживали социологические исследования. Большую роль сыграли организационные способности У. Харпера. Один из лидеров Чикагской школы У. Огборн занимал различные посты в правительственных ведомствах, руководил Исследовательским советом социальных наук, и во многом благодаря ему и его книге «Социальные изменения» (1922) социология стала популярной и была институционализована в США на общенациональном уровне. Ведущие правительственные ведомства заказывали социологам целевые разработки — как самим чикагцам, так и выпускникам Чикагского университета.

Была ли Чикагская школа социологии туземной?

Чтобы доказать свой парадоксальный тезис о столичности как особой разновидности туземства, М. Соколов и К. Титаев предлагают следующий мысленный эксперимент: представить, что некая современная социологическая школа на российском Урале (аналог Среднего Запада в США) «ведет себя» подобно школе чикагских социологов начала XX в.:

«Представьте себе, как квалифицировались бы российские социологи, которые проделали бы следующую траекторию. Примерно в начале 1990-х гг. некоторое время они стажировались во Франкфуртском университете (трудно найти аналог Зиммелю, но Хабермас по целому ряду причин кажется наиболее удачным сравнением; кроме того, никто из отечественных социологов, насколько нам известно, не стажировался у Хабермаса, так что этот пример не будет похож на личный выпад). Степень их близости к классику была весьма относительной, но, вернувшись, они провозгласили себя его учениками и наследниками, создав индустрию переводов

его трудов и игнорируя всю остальную европейскую социологию. На протяжении следующих двадцати лет Хабермас занимал в их профессиональном сознании все меньше места, а они сами все больше, пока, наконец, к 2013 г. они не сжились с ощущением, что вся стоящая социология делается в России, причем непосредственно вокруг них, скажем, в том же уральском городе (будем считать Урал аналогом американского Mid-West). Они издавали хрестоматии по “Современной социологии”, состоящие более чем наполовину из отрывков из их собственных трудов, преподносимых как безусловная классика, а также текстов психологов, антропологов и биологов, работающих в том же уральском университете, что и они. Попытки младшего поколения московских, петербургских и новосибирских ученых указать, что в Европе и где-то еще за пределами России делалось и даже продолжает делаться что-либо интересное помимо Хабермаса, более не воспринимались ими всерьез. Вряд ли кто-то затруднится квалифицировать эту группу в ее нынешнем состоянии как гипертуземную, несмотря на ее безусловно провинциальное начало. Возвращаясь к Чикагской школе: то, что нам кажется сегодня ее важным вкладом в социологию, было сделано именно благодаря туземной, не провинциальной, фазе динамики. Провинциальная фаза не оставила ничего, кроме конспектов Зиммеля, вроде виртовского “Урбанизм как образ жизни” — изящного, но безнадежно вторичного текста» [13, с. 217].

Процитированный текст оставляет впечатление крайней степени лукавства. Знают ли М. Соколов и К. Титаев достижения и факторы успеха Чикагской школы, представленные выше в 13 пунктах? В этом нет сомнений (вероятно, они знают об этом существенно больше, чем автор этих строк). Но по каким-то причинам они решили «вынести за скобки» все эти достоинства чикагцев и сосредоточились только на аспекте быстрого перехода от *провинциализма к туземству* (п. 1), закрепив его умозрительным приложением к «уральской школе социологии».

Читатель теперь имеет прекрасную возможность самостоятельно развить тот же мысленный эксперимент и представить, как проявились бы пп. 2–13 (выделенные курсивом общие формулировки, в которых, заметим, нет ни слова о Чикаго) для «уральской школы социологии», допустим, в Екатеринбурге-Свердловске (или в любом другом крупном российском городе). Разве могут возникнуть сомнения, что при полноценном выполнении всех этих пунктов условная «уральская школа социологии» никем бы уже не воспринималась как туземная, а, напротив, стала бы настоящим столичным центром — как минимум в общенациональном масштабе!

Принято считать, что расцвет Чикагской школы закончился в связи с отъездом Парка из Чикаго в Нэшвилл в 1936 г. Социология в Чикаго остается и поныне одной из сильнейших в США и мире, но безусловное

первенство первых десятилетий XX в. было утеряно. Более того, что-то случилось с энергией, импульсом, энтузиазмом, которые были характерны для первых славных десятилетий. Не стало меньше денег, талантливых студентов и преподавателей, интересных предметных областей; даже книг и статей публикуется больше, чем 100 лет назад. Почему же иссяк источник прежней, бьющей через край энергии поиска и жажды открытий?

Позволю себе смелую гипотезу, которую могу здесь подкрепить только общими соображениями. Предположение состоит в том, что *Чикагская школа утратила свое бывшее значение, поскольку не встала твердо на путь разработки, проверки и уточнения явных социологических теорий.*

Вероятно, здесь сыграли роль, с одной стороны, захватывающее богатство эмпирического материала социологии города, открывающиеся возможности его исследования, с другой — отталкивание от набравшего силу гарвардского мейнстрима, возглавляемого П. Сорокиным, а затем Т. Парсонсом, где под видом «теорий» строились возвышенные конструкции из отвлеченных категорий. Иными словами, Чикаго и Гарвард в первую половину XX столетия представляли собой две стороны *антитеоретического консенсуса.*

Антитеоретический консенсус — общая платформа туземства и провинциализма

Что понимается здесь под «антитеоретическим консенсусом»?

Хорошо известно демонстративное презрение философов, социальных исследователей и гуманитариев к «плоскому позитивизму», «мифам объективного знания», «линейности мышления», «абстрактным конструкциям», «кабинетной науке» и т. д. Зачастую в потоке такой «критики» выбрасывается самое ценное в науке — эмпирически подкрепленное теоретическое знание.

Соответствующая установка была названа *антитеоретическим консенсусом* [8]. Именно с ним тесно связаны бурный восторг от книги Т. Куна «Структура научных революций» и до сих пор сохраняющаяся ее популярность. Критика теоретического подхода, принципа эмпирического подкрепления, идеи объективности знания получила распространение и на Западе (постмодернизм, постструктурализм, социальный конструктивизм и т. п.). Однако в уравновешенной интеллектуальной среде такие позиции никогда не становятся монополиями, им успешно противостоят традиции эмпиризма, логицизма, номологизма, научного реализма, натурализма, разного рода объяснительных и теоретических подходов. В России же именно антитеоретическая установка стала доминировать в «продвинутых» философии, социальном и гуманитарном познании.

Как подтвердить значимость подхода, который определяется направленностью на эмпирически подкрепленные теории? Рассмотрим наиболее успешные и продолжительные линии развития

американской социологии и смежных наук после взлета Чикагской школы в первой половине XX в.

В Чикаго и Мичиганском университете в Анн Арборе работали приехавшие из Германии Р. Карнап и члены Берлинской группы философии науки (ответвления Венского Кружка) К. Гемпель и Г. Рейхенбах, которые затем преподавали в лучших университетах Калифорнии и Восточного побережья США. Судя по всему, именно этот идейный импульс сыграл столь большую роль в направленности ведущих американских антропологов, социологов, политологов на построение, проверку и уточнение теорий⁶.

В Гарварде с 1950-х гг. получила начало славная линия преемственности сравнительно-исторического и теоретического исследования революций (Баррингтон Мур, его ученица Теда Скочпол и ее ученик Джек Голдстоун).

Из Гарварда в Беркли для изучения социологии переместился молодой Р. Коллинз, создавший позже целый спектр теорий от макро- (геополитика, интеллектуальные сети, динамика рынков) до ультрамикроровня (теория интерактивных ритуалов) [4; 5].

В тот же Беркли из Чикаго приехал Г. Блумер, разработавший на основе идей Дж. Мида стройную теорию символического интеракционизма, — пожалуй, наиболее знаменитую и авторитетную по сию пору.

Там же в Беркли учился и вел исследования А. Стинчкомб, автор блестящей и не устаревающей методологической книги «Конструируя социальные теории» [14].

Судя по всему, продолжающийся до сих пор «золотой век исторической макросоциологии» [4, с. 23–50] обязан успеху и процветанию именно тесной связи между эмпирическими сравнениями и явными формулировками теоретических гипотез, систематическими попытками их проверки.

Действительно, подкрепленная и уточненная теория — вот что дает истинное качество в науке, а дальше уже можно бороться за признание этого качества, в том числе международное. Именно обращение к проверке, уточнению, разработке теорий с эмпирическим подкреплением может вывести из стагнации и из обеих порочных стратегий: провинциализма и туземства.

⁶ Создатель авторитетной теории происхождения государства Роберт Карнейро [3] говорил мне, что своим подходом обязан лекциям Г. Рейхенбаха. Когда же я спросил у Коллинза, почему он не сослался на К. Гемпеля [1], хотя в описании своей методологии предсказания (распада «Советской империи» — Варшавского блока и СССР) Коллинз явно воспроизводит гемпелевскую схему научного объяснения через использование общей теории [4, гл. 2], он ответил, что данная методология «охватывающих законов» (covering laws) была просто общим местом в социологическом образовании в Беркли 1960-1970-х гг.

Политика интеллектуального успеха как искусство

Многое в успехе Чикагской школы было обязано месту, времени и удаче. Не везде обитают фонды Рокфеллера, только однажды можно учредить в стране первый социологический факультет, первый социологический журнал, написать первый учебник и первую хрестоматию по социологии. Прибавим к этому, что Америка получает в середине XX в. гегемонию в ядре мировой экономики, становится ведущей научной державой мира, в том числе и в социологии. Поэтому лидеры американской науки почти автоматически становятся лидерами мировой науки.

Тем не менее практически все представленные выше пункты 1-13 (факторы продвижения к столичности) заслуживают внимания и размышления о возможностях их использования в нынешних конкретных условиях, пусть более скромных, чем те, в которых посчастливилось работать основателям и продолжателям Чикагской социологии. Добавим сюда необходимость идти по перспективному пути, ориентированному на теоретический подход в исследованиях.

Вообще говоря, для того, чтобы «нестоличные» исследования были поняты и признаны в «столичных центрах», они должны трактовать (развивать, обогащать либо опровергать) признанные и наиболее активно обсуждаемые «столичные» же теории и модели. Факторы резкого повышения качества исследований и их признания таковы:

- добавление серьезного эмпирического (или архиважного теоретического) *аргумента в ведущемся «горячем» споре*; тот лидер (научный лагерь, фракция, «банда»), чья позиция усиливается, непременно ухватится за этот козырь, тогда как оппонировавший ему лидер (лагерь) вынужден будет преодолевать возражение по существу, а значит, «реплика» будет услышана (пп. 4, 12);

- предоставление *удобного для использования подхода* (средства, модели, понятийной конструкции, группы терминов), концептуализации эмпирического материала, позволяющего более эффективно получать, осмысливать, представлять новые результаты (пп. 3, 4);

- постановка такой новой проблемы, которая, с одной стороны, *обещает* ведущим столичным лидерам и фракциям успешное и внушительное решение, соответственный подъем собственной репутации, с другой — *скрывает «подводные камни»* и *быстро не решается*, что ведет к спектру разнообразных попыток и новым, ранее не видимым проблемам [5, гл. 15];

- в идеале такая проблема может стать *«глубоким затруднением»*, требующим больших и разнообразных усилий в течение десятилетий или даже многих поколений исследователей (см. исследование причин долговременной значимости философских проблем [9]).

Действительно, прорыв к эмпирически подкрепленным теориям — это борьба и за внимание, и за новизну, и за признание.

Надежное подтверждение теорий на различном материале с вниманием к противоречиям (аномалиям) и их преодолением — лучшее свидетельство истинности, что и дает чувство «настоящего познания» в смысле М. Соколова [11] и соответствующий духовный комфорт.

Наука — социальное явление, поэтому для достижения интеллектуальной *столичности* успехи в содержательном плане должны сочетаться с известной организационной активностью. В условиях уже существующих отдаленных столиц те, кто стремится к признанию своих трудов, к повышению статуса своих центров, могут принять во внимание следующие практические рекомендации:

- обучаться или стажироваться в столице, провести там первые исследования, наладить связи с лучшими специалистами в своей области, потом вернуться на родину (см. п. 1);

- широко развернуть научную работу по заимствованным образцам, сообщать о ней в «столицы» (провинциальный ход);

- проводить на родине регулярные семинары, где совмещается систематический обзор новейших столичных идей и достижений с непременным представлением местных исследований (п. 9), сделанных в том же ключе, но не вторичных, а направленных на прямую конкуренцию и новацию («провинция» бросает вызов «столицам»);

- совмещать упорные попытки прорваться в «столичные» издания с учреждением своих журналов и книжных серий (п. б), в которых сочетать переводы новейших работ и обзоры достижений из «столиц» (п. 1) с результатами местных исследований, выполненных по «столичным» стандартам и отвечающих как на горячо обсуждаемые проблемы и темы, так и на новые собственные, обнаруженные в своих исследованиях и спорах глубокие затруднения (вызов со стороны *просвещенного туземства*);

- накапливать собственный арсенал подходов, идей, понятий, теорий, превращая его в конкурентное преимущество при решении, а затем и постановке проблем передового фронта (пп. 2–4);

- освоив главные столичные достижения, смело браться за самые трудные проблемы, заявлять о новых проблемных областях и «глубоких затруднениях», тем самым вовлекая столичных коллег в «игру на своем поле» (пп. 9, 12).

Здесь должна идти речь о широких программах стажировок молодых отечественных ученых в ведущих мировых центрах, а также об активном привлечении иностранных ученых, преподавателей, стажеров, студентов в российские центры науки и образования; поощрении совместных программ обучения и исследований. Такой тезис может показаться странным («нам самим не хватает ресурсов, тем более

в условиях текущей реформы академической науки»), но речь здесь идет вовсе не о перераспределении дефицитных финансов, а об императиве открытости и повышении привлекательности отечественных интеллектуальных центров.

Вообще, *современный национальный центр, ведущий интеллектуальную деятельность, в идеале должен быть в значительной мере международным* — с большой долей меняющегося состава иностранных приглашенных исследователей, заинтересованных стажеров. Это никак не подорвет российские научные школы, а только увеличит их силы, престиж и привлекательность. Дилемма между провинциальной наукой и туземной наукой будет разрешена, если российское социальное познание сумеет осознать себя и действовать как наука, бросающая вызов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гемпель К.* Функция общих законов в истории // *Время мира.* Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 13–26.
2. *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л.Д. Гудков. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. — 816 с.
3. *Карнейро Р.Л.* Теория происхождения государства // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / Под редакцией: Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева.* Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.
4. *Коллинз Р.* Макроистория. Очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. Н.С. Розова. М.: УРСС, 2015. — 504 с.
5. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / [Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм; вступ. ст. Н.С. Розова.] Новосибирск, 2002. — 1284 с.
6. *Нехаев А.* On the Origin of Academic Species: формирование идейных ниш и мiцpoc среди научных форм жизни // *Антропологический форум.* 2013. № 19. С. 94–106.
7. *Николаев В.Г.* Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии // *Социологический журнал.* 2009. № 2. С. 21–33.
8. *Розов Н.С.* (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // *Прогнозис.* 2007. № 3. С. 284–303.
9. *Розов Н.С.* Причины долговременной значимости философских проблем (Что делает философскую проблему великой?) // *Вестник НГУ,* 2003. Серия: философия и право. Том 1. Вып. 1. С. 4–12.
10. *Соколов М.* Фреймы и территории: несколько заключительных соображений по поводу дискуссии в «Антропологическом форуме» // *Антропологический форум.* 2013. № 19. С. 218–232.
11. *Соколов М.* Социология как чудо // *Социология власти.* Том 27. № 3. С. 13–57.

12. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
13. Соколов М., Титаев К. Ответ критикам // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 215–218.
14. Stinchcombe A. *Constructing Social Theories*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987. — 320 p.

Дата поступления: 05.12.2015.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)

2016. VOL. 22. NO. 1. P. 8–25. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3917

N.S. Rozov

The Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; The Philosophy Department, Novosibirsk State University; The Chair for International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technological University; Novosibirsk, Russian Federation.

Rozov Nikolai Sergeevich — Doctor of Philosophy, Leading Researcher, the Institute for Philosophy and Law; Professor, Philosophy Department, Novosibirsk State University, Professor, the Chair for International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technological University. **Address:** Philosophy Dept., NSU, Pirogova 2, Novosibirsk 630090, Russian Federation. **Phone:** +7 (913) 940-90-26.

Email: nrozov@gmail.com

**“PROVINCIALISM”, “NATIVITY”, AND INTELLECTUAL FACTORS
OF “CAPITALNESS” IN SOCIAL COGNITION**

Abstract. “Provincial science”, “native science” and “capital science” (in terms of M. Sokolov and K. Titaev) are compared in the aspects of “hearing” and attractiveness. The latter is revealed as three types of comfort: the comfort of livelihood, social comfort, and spiritual comfort. The recognition of intellectual works and personal reputation are the foundation of scientist’s social comfort, while they are dependent on the presence of significance and novelty in his/her research results and publications. Spiritual comfort is defined by a sense of true science, a sense of participation in a “real deal of cognition”. This “authenticity” can be confirmed only by long-term recognition that returns to the theme of “capitalness” as a central position in intellectual networks. 13 factors of the successful attainment of a “capital” status are revealed according to the case of the Chicago School of Sociology. Russian social cognition can overcome its split between the “provincial science” and “native science” on this basis.

Keywords: “provincial science”, “aboriginal science”, “capital science”, social cognition, intellectual mobility, the Chicago school of sociology.

REFERENCES

1. Hempel K. The Function of General Laws in History. *Vremya mira. Vyp. 1. Istoricheskaya makrosotsiologiya v XX veke*. Novosibirsk: NGU, 2000. P. 13–26. (In Russ.)
2. Gudkov L.D. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov*. [The Negative Identity. Articles, 1997–2002.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., “VTsIOM-A” Publ., 2004. 816 p. (In Russ.)

3. Carneiro R.L. *Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva. Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi: Sbornik statei.* [Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State.] L.E. Grinin, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin, A.V. Korotaev (eds.). Volgograd: Uchitel'. 2006. P. 55–70. (In Russ.)
4. Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. In Russ.: Kollinz R. *Makroistoriya. Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti.* Transl. from Eng. by N.S. Rozov. Moscow: URSS Publ., 2015. 504 p.
5. Kollinz R. *Sotsiologiya filosofii: Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change]. Transl. from Eng. by N.S. Rozov, Yu.B. Vertgeim; pref. by N.S. Rozov. Novosibirsk, 2002. 1284 p.
6. Nekhayev A. On the Origin of Academic Species: Formation of Intellectual Niches and μίμησις among Scientific Forms of Life. *Antropologicheskii forum / Forum for Anthropology and Culture.* 2013. No. 19. P. 94–106. (In Russ.)
7. Nikolayev V.G. The Multidimensional and Reductionist Strategies in the Chicago Sociology: the Case of Human Ecology. *Sotsiologicheskii Zhurnal.* 2009. No. 2. P. 21–33. (In Russ.)
8. Rozov N.S. (Non)Thinking Russia: the Antitheoretical Consensus as a Factor of Intellectual Stagnation. *Prognosis.* 2007. No. 3. P. 284–303. (In Russ.)
9. Rozov N.S. The Causes of Durable Significance of Philosophical Problems (What makes a great philosophical problem?). *Vestnik NGU, 2003. Seriya: filosoftiya i pravo.* Vol. 1. Iss. 1. P. 4–12. (In Russ.)
10. Sokolov M. Frames and Territories: Some Final Thoughts on the Debate in the “Forum for Anthropology and Culture”. *Antropologicheskii forum / Forum for Anthropology and Culture.* 2013. No. 19. P. 218–232. (In Russ.)
11. Sokolov M. Sociology as a Miracle. *Sotsiologiya vlasti.* Vol. 27. No. 3. P. 13–57. (In Russ.)
12. Sokolov M. and Titaev K. The Provincial and the Aboriginal Science. *Antropologicheskii forum / Forum for Anthropology and Culture.* 2013. No. 19. P. 239–275. (In Russ.)
13. Sokolov M. and Titaev K. Response to Our Critics. *Antropologicheskii forum / Forum for Anthropology and Culture.* 2013. No. 19. P. 215–218. (In Russ.)
14. Stinchcombe A. *Constructing Social Theories.* Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987. 320 p.

Received: 05.12.2015.